

NIKITA BOLGOV ROSTOV, RUSSIA

Let's be candid. Nikita (whose name was chosen not in honour of Khrushchev, the man who unmasked the cult of Stalin, nor the film director Mikhalkov, but for no special reason, by a sort of coincidence) was indifferent to the lifting of an Iron Curtain somewhere at the end of June.* Only much later would he become aware of the consequences of that. At the time the writer of this essay was only in his second month, and he was interested not in the symbolic cutting of barbed wire between Hungary and Austria, but in his mother's milk. Let us try to forgive him this untimely political indifference.

Your narrator was scarcely a year old when the first McDonald's opened in the USSR – one of the harbingers of the changes to come. A short while later, in March, the Soviet Union ushered in its first and last president, Gorbachev, who was destined to effect one of the country's most significant revolutions. This regular "Che Guevara" with the birthmark on his bald head was underestimated at first. That was a mistake. On 25 December of that year the USSR lowered its flag and on the 26th the country ceased to exist forever.

I perceived the shots fired at the Russian White House in October 1993 with the lack of concern typical of a four-year-old boy. My little-boy soul harboured no fears, or perhaps, at the very most, an aftertaste of the inexplicable anxiety on the faces of my parents. My world was a world of richly illustrated encyclopaedias, frequent changes of location, eternally green grass, cloudless sky and festive music. The adults surrounding me were amazed by my unchildishly broad view of the world, they loved me and spoiled me.

I bore the cross of the school curriculum with scarcely a stumble, although, several times, I felt like abandoning it half-way through. One of the truths with which we were gradually instilled was a hatred of the future. Because tomorrow would be harder than today, you have to reckon with that. Learning your lessons will get you high marks but will not give you freedom. You'll have to study again. Nobody was bothered by the fact that you were supremely indifferent to Bohr's quantum theory when the day's agenda included an interesting novel by Dickens. The holidays were an exception, but the inevitability of the future was already casting its frightening shadow on the present. My school teachers did what teachers did in other schools: they tried to force us to believe in the importance of something that was

actually unimportant. Naturally I rebelled, saying that in my future life, the life for which we were supposedly preparing, I would never have use for the corpuscular theory of light or relativistic mechanics. And the more years that have passed since then, the more convinced I am that I was right. But the authority of the elders stifled my voice, and I had no choice but to get my top grades punctiliously and maintain the reputation of a disruptive honours student.

My mother had unconsciously nurtured in me a hostility towards television. Overcome by adolescent nihilism, I was astonished at the influence that the presenter's voice had over her. When the box showed a dismembered corpse I was totally indifferent, whereas my mother was immediately upset. I was rather irritated by what seemed to me to be the excessive emotionalism of her reactions to other people's tragedies, when she would repeat, "In the world you mustn't think only of yourself." Hello? Why should actions by robbers affect me if I had not taken part in them and was not a victim? Why should I care about the fighting and bloodletting among alcoholics in communal flats? Thousands of mini-dramas were taking place every minute, what was that to me? Well, I was typical of my generation and, as is the rule for each generation, worse than my predecessors but better than my successors.

I am neither philosopher nor academic, no apples fell onto my head, nor did I dream about the periodic tables. I am unfit for the role of the prophet Moses, I was not chosen to receive the Ten Commandments from God on Mount Sinai and drag the Jews behind me through the desert. But, just as a palaeontologist can reconstruct the appearance of a prehistoric reptile from a single little bone, I also can take a single attribute and recreate images dear to my heart. And those images were totally unconnected with political documentaries. What seemed important to adults hardly affected us.

While the country was agonising over shoot-outs between bandits or property rights, and the first careerists were hanging themselves by their neckties, thereby harvesting the fruits of the financial crisis, we were concerned with completely different things: Disney cartoons, video games on a PlayStation, Kinder Surprise chocolates, and the fear of being seen with a cigarette between our teeth during break-times at school. Our minds were, for the moment, dominated by the dictatorship of MTV. For us, a badge of honour meant

* On 27 June 1989 Hungary and Austria opened the Iron Curtain that separated the two countries for more than forty years.

having a moped or taking our parents' cars for a spin, as they do in America. We admired the aggression in the music of "Rammstein" without understanding their lyrics. We brewed alcoholic drinks in iron jars and for some reason thought that the word "bitch" was a compliment ("Girl, you're a bitch. Oh yes, a mega-bitch. A real bitch!"). It was we who, when we wanted to fly at the behest of love, persuaded ourselves that we would grow wings thanks to ultra-thin materials and "Red Bull" energy drinks. Being genetically programmed for idolatry we celebrated the victory of the football club we supported with such excitement as if it had been our own personal achievement. We went to nightclubs long before reaching the age of majority and when we came home from the party would say "Huh! It was full of under-age people", ignoring the fact that we were under-age ourselves.

Yes, change was in the air. We felt it not so much on the practical level as intuitively, through our sensibility. My grandmother used to tell me stories about one country when I was already living in another. My heroes were not Yuri Gagarin or Vladimir Vysotsky but Arnold Schwarzenegger and Bruce Lee, who came into all our houses on pirated videos, speaking Russian with the nasal twang of Mr Volodarsky, the man who dubbed everything. In a way, that repulsive voice also embodied the age. In the crowded smoke-filled video-cinemas it created the atmosphere of an absurdly comfortable underground life, quite unlike being at home.

That was one of the peculiarities of what was called "perestroika". We had not yet left our earlier experience behind or learned the new ways. Deep down we all knew that piracy was bad, but nobody paid attention to that, and products of that kind were openly on sale in shops in every town in Russia. You have to admit there was a positive side to this: cinema that had previously been banned was available to the widest possible public. I clearly remember how proud we were to be watching age-category 18+ films at the age of twelve. How terrified we were by Ridley Scott's "Alien", how we laughed at the scabrous gags in "Police Academy". Grandmothers and grandfathers were horrified ("Such filth, look!") but we were in seventh heaven. To put it simply, our generation had finally got its hands on entertainment of a kind that our predecessors had only been able to dream of (and therefore greatly overvalued).

With us, the generation of '89, there are plenty of paradoxes. We daydream about sports cars and then, stuck for hours in traffic jams, we have warm memories of our old mopeds. We demonstrate against globalisation, but actively enjoy its benefits. We idolise musicians whose works in a couple of years will not be seen even in clearance sales.

The deeper the faith, the more intense the disappointment. The communist utopia taught us that. And today's consumer capitalism teaches the same lesson. With the collapse of ideology our souls emptied, for a while, like an apartment abandoned after a radiation accident: the objects are there, but the owners are not. The fall of the communist dream created an enormous information space in which it became insanely easy to lose one's way. Information poured down onto us in a way that had not happened to anybody before us. I may not know what to believe in, but for some reason I do know the acceleration rate of a Bugatti Veyron (100 kph in 2.5 seconds), the code used to activate the computer in "Lost" (4815162342), and the name of the actress in the Chanel No. 5 advert (Nicole Kidman). Innumerable names and numbers are marching up and down inside my head. If the truth be told, I, like many of my generation, am stuffed to the gills with more or less useless information.

We each have at least two mobile phone numbers, a computer at home and a notebook, several social networking accounts, and a multitude of email addresses. The technology is changing our psychology which was already susceptible beforehand. But, do you know what? Ask me which era I would prefer, if I had the choice, I would unhesitatingly opt for our own. It would be short-sighted to overlook the wide range of new opportunities opening before me, a twenty-year-old lad living in Russia.

At the age of eight I was upset because I had crashed my bike. When he saw me, my grandfather uttered words of wisdom: you're only as unhappy as you let yourself be. A week later a new bike appeared, better than the old one. I concluded that "every cloud has a silver lining". But the full meaning of my grandfather's words is only becoming clear to me now, after his death. We allow ourselves to grieve, although we have countless opportunities to lift our own spirits and the mood of those around us.

Under the influence of the rat race I celebrated my personal successes and managed to catch my breath. I had started to run too fast to notice happiness. Similarly, it may be worth remembering that being a workaholic did not make Salieri the genius that the spoiled Mozart was. Let the blood boil, let gardens blossom, but let our windows open directly onto our childhood. Our young minds can still experience wonder, we have not lost the gift of risk-taking, we are still thirsty for discovery. Whether we carry this enthusiasm forward into our future lives will depend only on us.

Nikita Bolgov: one of those born in the last millennium, in a country that no longer exists.

nik052@yandex.ru

НИКИТА БОЛГОВ

РОСТОВ-НА-ДОНУ (РОССИЯ)

УЗНИКИ СВОБОДЫ

С 12 по 19 января 1989 года была проведена последняя в истории СССР перепись населения.

9 мая 1989 года страна отметила 44-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне.

10 мая 1989 года родился Никита Сергеевич Болгов.

Будем откровенны – едва вошедшему в переменчивый мир Никите Сергеевичу (которого назвали Никитой ни в честь развенчанного сталинский культ Хрущева, ни кинорежиссера Михалкова – просто так совпало) было безразлично падение какого-то там железного занавеса в конце июня, его последствия он ощутит гораздо позднее. В тот момент автору этого эссе шел всего второй месяц, и его интересовало не символическое разрезание колючей проволоки между Венгрией и Австрией, а материнское молоко. Постараемся простить ему столь несвоевременную политическую индифферентность.

Не исполнилось нашему рассказчику и года, как в СССР открылся первый «Макдональдс» – один из предвестников грядущих перемен. А чуть позднее, в марте, Союз обзавелся первым и последним в своей истории президентом Горбачевым, который произведет одну из самых значимых революций в стране. Этого форменного «чегевару» с родимым пятном на лысой голове поначалу недооценили, и напрасно: 25 декабря того же года в СССР сменили флаг, 26-го – страна навсегда прекратила существование в своем прежнем виде.

Расстрел здания правительства в октябре 93-го я воспринял с типичной беззаботностью четырехлетнего ребенка. В ребяческой душе не возникло никаких страхов, максимум послевкусия – непонятно отчего взволнованные лица родителей. Мой мир был миром богато иллюстрированных энциклопедий, частых смен обстановки, вечнозеленой травы, безоблачного неба и

праздничной музыки. Взрослые вокруг поражались моему не по-детски широкому кругозору, любили и баловали.

Крест школьной программы я нес, почти не спотыкаясь. Хотя бросить на полпути его хотелось не раз. Ненавидеть завтра – одна из истин, которым нас исподволь учили. Потому что завтра тяжелее, чем сегодня, и с этим приходится считаться. Выучишь уроки – получишь хорошую оценку, но не освобождение. Придется снова учить. То, что тебе глубочайше плевать на квантовые постулаты Бора, поскольку на повестке дня увлекательный роман Диккенса, никого не волновало. Исключение составляли выходные, однако неизбежное завтра пугало своей тенью уже сегодня. Преподаватели моей школы занимались тем же, чем и в других – заставляли верить в важность того, что на самом деле было неважным. Я, разумеется, бунтовал, заявляя, что в будущей жизни, подготовкой к которой мы якобы занимались, мне никогда не пригодится знание корпускулярной теории света или релятивистской механики. И чем больше лет проходит с тех пор, тем больше я убеждаюсь в правоте своей старой позиции. Но авторитет старших заглушал мой голос, и не оставалось ничего другого, кроме как исправно получать пятерки, поддерживая репутацию шкодливого отличника.

Бессознательно мама взрастила во мне неприязнь к телевизионной программе. Пораженный подростковым нигилизмом, я поражался тому, какое влияние имел на нее голос диктора в кадре. Когда по ящику показывали расчлененный труп, я оставался предельно равнодушным, а маму мигом захватывало переживание. Меня немного раздражала ее излишняя, как мне казалось, эмоциональность, проявлявшаяся во внимании к чужим трагедиям, в то время как она повторяла:

«В этом мире нельзя думать только о себе». Извольте, почему разбойные ограбления должны меня трогать, если я не принимал в них участия и не был их жертвой? Какое мне дело до кровавых разборок алкоголиков в коммунальных квартирах? Ежеминутно происходят тысячи мини-драм, так что с меня взять? Ну да, я представитель своего поколения, которое, как и положено любому поколению, хуже предыдущего, зато лучше следующего.

Я не философ и не учёный, мне на макушку не падали яблоки и не снились таблицы химических элементов. Я не гожусь на роль пророка Моисея, мне не доводилось принимать от Бога Десять заповедей на горе Синай и таскать за собой евреев по пустыне. Но подобно тому, как палеонтолог по одной лишь кости восстанавливает вид доисторической рептилии, так и я по единственному атрибуту заново воссоздаю дорогие сердцу образы. И они никак не связаны с политической хроникой. То, что казалось важным для взрослых, почти не трогало нас.

Пока страна агонизировала от бандитских разборок и переделов собственности, а первые карьеристы вешались на галстуках, пожиная плоды финансового кризиса, нас заботили совсем другие вещи: диснеевские мультфильмы, видеоигры на приставке PlayStation, шоколадки «Kinder Surprise» и то, как бы нас не заметили с сигаретами в зубах на школьных переменах. Нашими умами моментально завладела диктатура телеканала MTV. Это мы считали почетным – иметь мотороллеры и на американский манер брать напрокат родительские машины. Это мы восхищались агрессией музыки группы «Rammstein», не понимая текстов их песен. Это мы культивировали вредные алкогольные напитки в железных банках и это мы потом почему-то сочли, что слово «сука» – комплимент («Детка, ты сучка. – О да, я мега-сучка. Настоящая bitch!»). Это мы внушили себе, что крылья у нас появляются благодаря ультратонким прокладкам и энергетическому напитку «Ред-бул», тогда как летать желали по воле любви. Это мы, генетически запрограммированные на идолопоклонничество, праздновали победу любимой футбольной команды с таким восторгом, будто это наше личное достижение. Это мы попадали в ночные клубы задолго до совершеннолетия и, вернувшись с вечеринки, с пренебрежением замечали: «Фу, да там были одни малолетки», игнорируя тот факт, что сами малолетками являемся.

Да, в воздухе витали перемены, и ощущали мы их не столько на практическом уровне, сколько интуитивно, в ощущениях. Моя бабушка рассказывала мне об одной стране, в то время как я сам уже был жителем другой.

Моими кумирами были не Юрий Гагарин и Владимир Высоцкий, а пришедшие в каждый дом вместе с пиратскими копиями VHS-кассет Арнольд Шварценеггер и Брюс Ли, на русском языке говорившие гнусавым голосом переводчика Володарского. Этот противный голос в какой-то мере тоже олицетворял собой время. В сочетании с тесными, прокуренными видеосалонами он создавал атмосферу несуразной, но по-домашнему уютной подпольности.

Такова была одна из странностей так называемой «перестройки» – мы еще не отошли от предыдущего опыта и пока не освоили новый. Подспудно-то все знали, что пиратство – это плохо, но никто не придавал этому значения, и такого рода продукция открыто продавалась в магазинах всех без исключения российских городов. Надо признать, в этом даже была положительная черта – ранее запрещенное кино стало доступно самому широкому зрителю. И я хорошо помню, как мы гордились тем, что смотрели фильмы ужасов с цензом «от 18» в 12-летнем возрасте. Как пугались «Чужому» Ридли Скотта, как смеялись над скабрёзными шутками «Полицейской академии». Бабушки и дедушки, само собой, ужасались (такую мерзость смотрите!), а мы были в полном восторге. Попросту говоря, мы стали поколением, наконец дорвавшимся до развлечений, о многих из которых нашим предшественникам доводилось лишь мечтать (и поэтому сильно их переоценивать).

С нами, родившимися в 89-м, парадоксов вообще хватает. Грезим о спортивных автомобилях, чтобы потом, стоя в многочасовых пробках, с теплотой вспоминать старый мотороллер. Выступаем против глобализации, активно пользуясь ее благами. Восхищаемся музыкальными исполнителями, которые несколько лет спустя исчезнут даже из распродаж.

Чем глубже вера, тем сильнее потом разочарование в ней. Этому научила нас коммунистическая утопия, в этом же убеждает нынешний потребительский капитализм. С крушением идеологии на какое-то время в наших душах стало пусто, как в квартире, покинутой после радиационного облучения: вещи на месте, хозяев нет. Вместе с падением коммунистической мечты образовалось огромное информационное пространство, в котором оказалось безумно легко запутаться. Ни на кого прежде не сваливалось столько информации, сколько свалилось на нас. Я не знаю, во что стоит верить, но зачем-то знаю время разгона «Бугатти Вейрон» (2,5 секунды до 100 км/ч), какой код использовался для активации компьютера в телесериале LOST (4815162342) и как зовут актрису, снявшуюся в рекламе Chanel №5

(Николь Кидман). Бесчисленные имена и цифры маршируют в моей голове. В общем, как и многие мои одноклассники, я под завязку набит довольно-таки бесполезными сведениями.

У нас минимум по два номера для мобильной связи, домашний компьютер и ноутбук, аккаунты в нескольких социальных сетях и множество электронных адресов. Технологии вносят коррективы и в без того податливую психологию. Но знаете что? Спросите меня, какую из эпох я предпочел бы, будь передо мной возможность такого выбора, и я без колебаний остался бы в собственной. Было бы недальновидно упускать из виду то широкое поле новых возможностей, которое открывается передо мной, двадцатилетним парнем, живущим в России.

Когда мне было восемь лет, я переживал из-за того, что разбил свой велосипед. Увидев это, мой дед сказал довольно мудрую фразу – каждый несчастен настолько, насколько сам себе позволяет. Через неделю у меня появился новый велосипед, лучше прежнего. И я сделал вывод, соответствующий поговорке «нет худа без добра». Но весь смысл слов бабушки раскрывается передо мной только сейчас, после его смерти. Мы позволяем себе грустить, обладая уймой возможностей поднять настроение себе и окружающим.

Под влиянием глянца я воспел личный успех и заполучил от этой гонки отдышку. Начал бежать слишком быстро, чтобы замечать счастье. Так, может быть, не стоит забывать, что трудоголизм не сделал из Сальери того гения, которым был взбалмошный Моцарт? Пусть кровь кипит, сады цветут, а окна распахиваются прямиком в детство. Наши молодые умы еще умеют удивляться, в них не пропал еще дар рисковать, в них еще жива жажда открытий. Пронесем ли мы этот задор через жизнь в дальнейшем, зависит исключительно от нас самих.

Никита Болгов – один из тех, кто родился в прошлом тысячелетии в стране, которой больше нет.

✉ nik052@yandex.ru